

В России инновациями занимаются только сумасшедшие

Павел Митякин — генеральный директор Муниципального предприятия «Новосибирская инновационно-инвестиционная корпорация» (НОВИНКОР)

Каковы, на ваш взгляд, особенности инновационной системы в России?

Созданием национальной инновационной системы Россия занимается еще с 1995 года. В то время этим вопросом заведовал Государственный комитет по науке и технике под руководством министра Салтыкова. Затем все функции были переданы Герману Грефу, и именно он в 2000 году создавал новую стратегию, связанную с инновационной системой. Затем Греф передал свои полномочия Министерству экономического развития и торговли (МЭРТ) и Министерству образования и науки. Тогда я заявил, что в 2003–2004 годах нужно было создать специальный «инновационный спецназ» с большими функциями и большими полномочиями для того, чтобы эту проблему решить. К сожалению, этого до сих пор не сделано. Да, в России создали «Роснано», она занимается специфическими проектами — технологиями шестого, седьмого, восьмого поколения.

Немного позже в средствах массовой информации начался информационный шум: постоянно говорили про модернизацию и инновации. Но я по-прежнему считаю, что «большие речи» не вылились в результат. Случилась обычная вещь: мы «заглотили мутную» западную концепцию, стали ее активными адептами, но не смогли переварить.

Кстати говоря, инновационная экономика — это такая экономика, где инновационные продукты в общем объеме производства составляют не менее 15%. У нас же на сегодняшний день этот показатель составляет 0,5% в лучшем случае. Поэтому говорить о том, что Россия с 1995-го по 2011 год совершила серьезный скачок, мы не можем.

Семь лет назад я говорил, что нужно создать налоговые, таможенные, правовые правила. А мы этого до сих пор не сделали, только спорим, что нужно делать. В СССР же эти правила были налажены, так как сред-

ства, направляемые на предприятия, занимающиеся инновациями, не облагались налогом. В западных странах при создании инновационной компании правительство освобождает от налогов на три года. Эти шаги позволяют бизнесу «дышать» и развиваться. А мы до сих пор рассуждаем, какой процент налога установить и как должна работать таможня.

Какие законодательные акты являются основой для инновационной деятельности в России?

Они отсутствуют. Сейчас пытаются выпустить закон об инновационной деятельности. Его готовят уже 15 лет и давно не могут принять. На данный момент мы даже не имеем закона, в котором бы было прописано, что такое инновация.

Кто являются участниками инновационного процесса в России?

Сейчас в России инновациями занимаются только сумасшедшие. Реальность заключается в том, что экономика на треть является неформальной — это значит, что она даже не учитывается Госстатом. Такая экономика стремится быть более простой и примитивной, так как чем длиннее цепочка, тем это менее выгодно для бизнеса.

Об инновационных сдвигах нечего и думать без радикальной расчистки фискального, отраслевого и муниципального регулирования от всевозможных «крыш» и рентных платежей. Существует еще одно заблуждение. Мы думали, что если создадим особые институты развития (особые экономические зоны), то они станут очагами распространения инноваций. Это, как говорят математики, условие необходимое, но не достаточное. Потому что мы являемся догоняющей экономикой, и во всем мире модернизация начинается с простых правил. Первое — это моделируемый государством импорт технологий и оборудования. Только через восемь-десять лет после этого национальные инновационные технологии готовы встраиваться в международные цепочки НИОКР. Россия так сильно отстала от зарубежных партнеров, что наши производственные фонды не готовы воспринимать инновации. Кстати говоря, за рубежом нас называют «ленивым карликом»: если раньше доля СССР в мировом ВВП доходила до 20%, то сейчас она менее 3%. Мы маленькая экономика. Поэтому наше государство сначала проводило «политику кнута»: президент, как вы знаете, выделил пять инновационных направлений. По данным статистики, доля предприятий, которые используют инновации, не превышает 8%. Теперь поговорим о «политике пряника»: правительство стало думать о налоговых льготах и государственных гарантиях, однако решающим моментом может стать только создание законодательной среды для постиндустриальной экономики, построенной на инновациях. Законодательство, которое действует сейчас на территории России, — это законодательство прошлого века.

Если бы приватизация в 1990-х годах проходила правильно, то мы бы приватизировали предприятия целыми холдингами (например, в области машиностроения). Мы

этого не сделали и во время ваучерной приватизации разорвали технологические и маркетинговые цепочки. А потом бизнес потратил еще больше времени, чтобы собрать все активы, консолидировать их и создать вертикально интегрированные компании. Однако эти холдинги были созданы не в тех отраслях, которые определяют развитие в XXI веке. Это не электроника, не технологии, не машиностроение, не приборостроение и даже не биотехнологии. Это просто сырьевые и перерабатывающие холдинги.

Россия, к сожалению, «проспала» два мировых цикла технологического обновления. Вследствие этого в 1990-е годы некоторые люди перешли в непрофильный бизнес, утратили свою квалификацию, а те, у кого знания остались, переместились за рубеж. Система образования также не соответствует тому, что предъявляет XXI век. Практически не осталось достойных вузов, которые выпускают высококвалифицированных инженеров.

Институты развития должны быть также частью системы. Если ситуация с этими институтами в ближайшее время не изменится, то она будет походить на «маниловский разговор» Гоголя.

Есть ли какие-либо положительные изменения в инновационной сфере?

Мы стараемся измениться. Надо успеть «запрыгнуть в последний вагон уходящего поезда модернизации». Иначе придут те, кто будет «помогать» нам управлять ресурсами и территорией, так как мы сами этого должным образом делать не умеем. Европейская часть России никого не интересует, так как все ресурсы сосредоточены на территории от Урала до Дальнего Востока.

Таким образом, изменения пока находятся в латентном периоде. В областях, связанных с технологиями, у нас до сих пор нет крупных проектов, которые бы стоили более 100 млн долларов, за исключением проектов в области IT-технологий.

Есть ли в России то, что способствует инновациям?

Любая картина всегда состоит как минимум из двух красок, не надо быть столь пессимистичным в этом вопросе. У нас есть желание, высказывания первых лиц государства о том, что необходимо вставать на путь модернизации экономики. Но, для справки, один только концерн Volkswagen в год тратит на инновации больше, чем все крупные компании России вместе взятые. Российские же бизнесмены лучше будут продавать сырую нефть за рубеж, чем вкладывать деньги в то, что экономически невыгодно.

Кроме того, наше государство медленно принимает решения, которые бы способствовали развитию частного бизнеса. Не случайно бизнес не верит государству и каждый год выводит из страны 40 млрд долларов. Это сумма гораздо больше, чем сумма инвестиций, которые мы привлекаем. Парадокс заключается в том, что мы привлекаем свои же собственные деньги из-за границы.

Я считаю, что нынешний президент чувствует, что надо принимать меры с целью удержания данного ресурса в пределах нашей страны. Российские деньги должны тратиться в России.

В целом какие-то успехи в российской модернизации обязательно будут, так как в эту сферу проинвестировано уже очень много средств. Но какая будет отдача — сейчас сложно предположить.

В каких областях есть продвижение, а в каких наблюдается застой?

Я думаю, что те пять направлений, которые были сформулированы президентом, являются исчерпывающими. В них и необходимо работать. Это энерго- и ресурсосбережение, биотехнологии, новые материалы и информационное пространство. Хотя даже сейчас сложно предположить, что на самом деле будет пользоваться спросом в XXI веке.

Самые главные технологии — это технологии, связанные с человеком, — технологии живых систем. Биотехнологии, фармацевтика, генетика — все это будет хорошо развиваться в ближайшее время. Также пользоваться спросом будет то, что связано с энергетикой (передача энергии, нетрадиционные источники), и вскоре мир слезет с нефтяной иглы. Наверняка в ближайшее время будут сделаны прорывные технологии в этой отрасли. Это то, что определяет нашу будущую жизнь.

Некоторые думают, что зарубежные партнеры нам смогут помочь, но это всего лишь иллюзия. Россия должна опираться на собственные силы и собственный интеллект. Было бы здорово, если бы в России появились две-три компании мирового уровня в области «живых систем» или электроники (наподобие Samsung). Общество бы поняло, что мы правильно распорядились деньгами и достигли успеха как морально, так и материально. Это то, что нужно россиянам.

Считается, что такие компании могут развиваться только в инновационных парках. Как вы относитесь к технопаркам?

Технопарк — необходимый элемент системы. Но идея может родиться и вне технопарка. Это всего лишь один из инструментов.

Инновации — это симфонический оркестр. Нельзя делать ставку только на технопарки. Самое главное в инновационной системе — это наличие дирижера.

Во всем мире ресурсы распределяются следующим образом: в 2010 году в мире государствами было выделено на инновации около 30 млрд долларов, корпорации потратили еще 30 млрд, а венчурные компании и другие организации — около 2 млрд. Основными проводниками инноваций являются государство и крупные корпорации. Венчурные фонды не играют большой роли. Весь венчурный бизнес направлен на выгодную перепродажу малых компаний большим. В мире нет самостоятельного инновационного бизнеса, все проекты крутятся вокруг крупных инновационных компаний (IBM, Intel). Счастливым окажется лишь тот, чья технология подойдет крупным корпорациям. Сейчас нет шансов создать свой бизнес в этой сфере из-за серьезной конкуренции.

Можете ли вы назвать технопарки, которые работают успешно?

Новосибирский технопарк только начал работать, впрочем, как и Сколково. На данный момент в России нет примеров технопарков, которые бы «выстрелили» на 100%.